

Сказания королевства Винеду

Звезда

Дораи

Вим Водрис

Вим Водрис

Звезда Дораи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68694015

SelfPub; 2023

Аннотация

Первый из цикла рассказов, посвященных вымышленному королевству Винеду, месту, где за сказочной завесой скрываются весьма животрепещущие и для нашего мира темы. Отриньте легковесность суждений, столь свойственных подобному жанру, и вам откроется необъятное поле для размышлений...

Вим Водрис

Звезда Дораи

Случайного путника столица королевства Винеду поразила бы не только разнообразием, но и яркостью красок местной растительности. Практически у каждого дома разбит цветник, на котором причудливо соседствуют распахнутые, благоухающие бутоны тропических растений и совсем малые, с едва уловимым запахом, полевые соцветия. Фейерверк красок набирает мощь по направлению к огромному королевскому дворцу. Здесь в отсвете лепестков, кажется, сияет всё: и хозяйственные постройки, и брусчатка, устилающая дорогу, и стены резиденции короля. Цветы повсюду: их образ даже запечатлен на дверях, беседках, скамейках, резных колоннах, а на тяжелых дубовых воротах узоры вымощены драгоценными камнями. При этом надо сказать, что вся эта картина, источающая блеск и яркость, отличается удивительной сочетаемостью штрихов и позволяет испытывать радость при её созерцании. Впрочем, как однажды насмешливо продекларировал ныне забытый в королевстве Винеду менестрель: «Ох, какая же услада в изучении антуража? Это простейшая из затей, куда сложнее – достойных разглядеть людей!».

Было время, во дворце прислуживала девочка-сирота по имени Дорая, никто не мог точно сказать, откуда она взялась.

Все помнили её уже ребёнком 12 лет, словно она и не жила раньше, а внезапно возникла из воздуха в виде девчушки-подростка с зелеными глазами. Улыбчивая, открытая, с тонкими чертами лица, но особенно в ней выделялось то, что она была несказанно добра к окружающим. Приключится с кем-нибудь какая печаль, так она тут уж рядом, смотрит своими ясными глазами, в которых искреннее сочувствие, и говорит, поглаживая по руке, что всё будет хорошо. И веришь ей, ведь в этих словах заключено не только сопереживание, но и убежденность, необходимая как ни что иное в час печали. Однажды случилось такое, что королевский повар, скверный человек: для него обругать кого-то, раздать тумачи слугам-поварятам – плёвое дело, так вот, он как-то обварил себе руку, неосторожно беря пробу из большой кастрюли. Те, кто это увидел, лишь позлорадствовали, памятуя о нанесенных им ранее обидах, но не Дорая, она мгновенно кинулась к скорчившемуся от боли повару, стараясь оказать тому любую возможную помощь. Первое время подобное проявление отзывчивости к чужому страданию вызывало у окружающих неподдельное удивление, но когда все привыкли, то это стало восприниматься как должное. Пуще того, люди не брезговали использовать добрые порывы девочки в своих интересах. Лень выполнять какую-то работу, так сделаются больными, расстроенными и давай просить о помощи Дораю, а она никому не отказывала. И не было у неё ни плохих людей, ни плохих животных – всех любила.

Как-то в один из ненастных вечеров, таких, в которые особенно не хочется выходить из дома, Дорая услышала за окном жалобное мяуканье. Ей даже сперва показалось, что это человеческий плач, а не звуки, издаваемые животным. Девочка поспешила выйти на улицу. И практически сразу, в закоулке у небольшого сарайчика, обнаружила того, кто так громко и отчаянно взывал о помощи. Это был маленький чёрный котёнок, тощие, впалые бока которого недвусмысленно говорили о характере проблемы, постигшей это несчастное животное. К тому же котёнок прихрамывал на одну лапку, являя собой в целом следствие жесткости окружающего мира. Сжалось от сочувствующей боли сердечко Дорай.

– Маленький, иди сюда, я помогу тебе, – позвала девочка, я тебя не обижу, малыш! Она присела, осторожно протянув руки к испуганному животному. Котёнок ошетинился, сжался при виде человека, но немного погодя всё же распознал в обращённом к нему голосе всю полноту нежности. Он подался вперёд, навстречу протянутым рукам. А когда девочка бережно его подняла, прижав к груди, то радостно замурчал, громко так, словно всю боль разом выдохнул. С этого момента в жизни Дорай настал период нескончаемой заботы о живом существе, ставшем для неё родным. Котёнок требовал к себе много внимания, был он чахлым, пугливым, при малейшем шуме бросался наутек, людей сторонился, охотничьих инстинктов не проявлял. И вызывал у мест-

ного люда скептическую усмешку, мол, эта животина нежизнеспособна, и толку от неё никакого. Дораи так и говорили: «Брось ты это бессмысленное занятие: ухаживать за доходагой, ни сегодня, ни завтра он помрет». Людям свойственно во всем искать практическую сторону жизни и обоснование своих добрых порывов. Дорая же была свободна от подобных оков, поэтому изо дня в день с лёгким сердцем ухаживала за котёнком, даря ему заботу, ласку и любовь, а тот ей отвечал несвойственной кошачьим преданностью. Куда она, туда и он, если вокруг много людей, то котёнок искал укромное место, из которого мог наблюдать за девочкой, не сводя с неё своих жёлтых глаз. А еще временами казалось, что он способен понимать человеческую речь, такой у него был взгляд, будто всё осознаёт, просто говорить не хочет.

Шло время, несмотря на прогнозы людей котёнок выжил, заматерел, превратившись в большого чёрного кота. Теперь он не был беззащитным, то тут, то там сновал между ног с быстротой молнии, разведывал все углы, узнавал все новости, урывал лакомые куски еды. Но всё также предан был исключительно Дораи, шёл в руки только к ней, заглядывал с нежностью в глаза, грел теплом своего тела в ненастные дни. Ей это особое отношение кота дарило счастье, ведь не знала она ни родительской привязанности, ни ласки, ни сочувствия, вся жизнь сводилась к прислуживанию, исполнению приказов людей, которые искали объект для вымещения злобы по причине собственной подневольности. Таких помыка-

телей в виде различных горничных, гувернанток и прочего персонала, кому дана маленькая власть над помощниками, у Дораи было много. Первое время она, в силу некоторой рассеянности, плохо справлялась со своими обязанностями, порой не поспевая за приказами, поэтому от неё пытались избавиться, передавая другим право управления, как представлялось, никчёмной служанкой. Это продолжалось до тех пор, пока Дораи в руки не попали швейные принадлежности, и оказалось, что она по природе своей искусная рукодельница, способная из ткани создавать нечто неземной красоты. Тогда девочка стала подмастерьем у дворцового портного, который, надо сказать, сразу распознал выпавшее ему счастье и уже вскоре стал пожинать его плоды, преподнося королевской семье шедевры рукодельного искусства.

Добрые порывы окружающих нередко отбрасывают тень на лица злобливых людей, изнывающих от желания быть на виду, а посему считающих, в силу своей ограниченности, что всякий стремится отнять у них заслуженное внимание. Вот и Дораю однажды попала в поле зрения именно таких личностей. Это были две фрейлины, весьма тучные особы, отличающиеся розовощёкостью и громкостью голосов. Они нередко так громогласно смеялись, обсуждая последние сплетни, что это вполне могло вызвать землетрясение или, по крайней мере, бой посуды на чайном столе, за которым они весьма величественно восседали. Дораю фрейлины невзлюбили всей своей сущностью. Добрые порывы девочки они воспринима-

ли как нечто показное, ненастоящее, мол, стремится всем угадать, преследуя личные цели. «Где это видано, чтобы люди не корысти ради так переживали о других?» – вопрошали они. В какой-то момент раздражение переросло в стойкую ненависть и в них поселилась мысль сжить со свету девочку. Однако они жаждали не только расправы, но и зрелища, которое впоследствии возможно будет обсуждать с подругами во время сплетен-посиделок. Некоторое время фрейлины с прищуром хищника, приметившего свою жертву, следили за Дорай, и, наконец, выбрали, по их мнению, самый удачный момент для того, чтобы начать действовать.

Это было знаменательное для королевского двора событие: чествование победы над соседним государством, свершившейся несколько лет назад. Данное торжество отмечали с размахом. Но особенное внимание уделялось церемониалу, во время которого король, облачённый в золотые доспехи с роскошной перевязью, принимал военный парад, одаривая по окончании сего действия знаками почёта своих лучших полководцев. А после этого властитель раздавал толпе куски хлеба. Считалось, что король таким образом являет собой символ монарха, способного одной рукой одержать победу, а другой – накормить нуждающихся. Впрочем, углубляться в тонкости данного мероприятия не будем, но заострим внимание на упомянутой королевской перевязи, поскольку именно она стала причиной развития дальнейших событий. Итак, перевязь, как уже говорилось, была весьма роскошна,

на белом шёлке тончайшего свойства золотом вышит герб – цветок сиорфа. Это мифическое растение, которое, по поверью, достигает своего пика только в тот час, когда в мире появляется истинный король. Сердцем вышитого цветка были изумруды в образе стебля и красные алмазы в форме раскрывшихся лепестков. Каменья излучали глубокий и таинственной свет, такой, словно само мироздание, в них заглянув, оставило след бездны. Как столь тончайшая ткань могла держать на себе органично подобные украшения – никто не мог сказать, все это списывали на волшебство. Однако каждый год совсем даже не магическим, а рукотворным умением королевский портной приводил перевязь в обновлённое состояние. Вот и в этот раз верховный распорядитель двора со священным трепетом поручил ему подготовить к торжеству столь великолепный элемент облачения короля. Но так случилось, что портной очень сильно заболел. Хворь настолько сковала его, что он смог лишь едва приподняться с постели и с трудом прошептать королевскому посланнику:

– Я... Я не смогу выполнить поручение, силы совсем оставили меня...

Закашлялся на этих словах портной и чуть погодя продолжил:

– Лишь эта девочка, дрожащей рукой он указал на Дораю, спешившую в этот момент поднести ему стакан воды, сможет вам помочь, пожалуй, нет в королевстве более искусного в портном деле человека, чем она.

Эти слова передали верховному распорядителю, от чего тот погрузился в задумчивое состояние. Торжество намечалось на ближайшие дни, времени на поиски другого портного не было, да и нельзя доверить столь важную вещь совсем чужому человеку. «Перевязь соткана самими богами», – говаривал иногда король. От отца к старшему сыну в их роду передавался этот предмет с наказом: «Беречь более всего». Якобы обладание перевязью гарантировало сохранение власти. Однако доподлинно неизвестно, была ли заключена столь могучая сила в этом атрибуте королевского величия или нет, но одно явственно – кровью насытилась перевязь вдоволь, не всегда с правилами престолонаследия соглашались родственники. «Да... Кровь... И она прольётся вновь, но будет уже моей, если оплошаю», – прошептал верховный распорядитель. Вздохнув, он снова предался размышлению: «Закрывать бы эту маленькую портниху во дворце, пускай под непрерывным контролем работает... Но там королевские отпрыски, с ними сладу нет, как прознают, что перевязь в руки простолюдина попала, так непременно приложат все усилия, чтобы её забрать. Никто им перечить не осмелится, а затеять игру с такой вещью они обязательно захотят, тут и до беды недалеко, не ровен час, повредят. А с них какой спрос? Остаётся только одно – приставить стражников к дому портного, туда дети не сунутся, лень им будет и высокомерие не позволит снизойти до простого жилища. Значит, решено, так и поступим».

Обо всём этом вскоре прознали упомянутые ранее фрейлины. Практически сразу у них возник план, как сжить со свету ненавистного им человека. Расчёт был простой. Дождаться дня, когда Дорая должна будет передать готовую перевязь распорядителю, и накануне встречи сообщить девочке о том, что с её так горячо любимым котом приключилось несчастье, что нужно скорее бежать на помощь, туда, к дворцовым воротам, где мальчишки забавляются жестокими забавами, бросая камни в кошек, где лошади, обезумев от тяжести повозок, хрипя и не глядя бьют копытами о землю. Что именно случилось? Вроде кота видели в бесчувственном состоянии. Естественно, Дорая бросится на помощь. Ей даже в голову не придёт подумать о том, что в это время её питомец обычно у кладовой гуляет, пытаясь чем-нибудь полакомиться. Что ещё? Стражники, приставленные присматривать за Дорайей? С ними ещё проще. Они знают, что фрейлинам дозволен вход по поручениям королевы, служба сторожевая скучная, поэтому перекинуться несколькими словами с одной из дам они всегда не прочь, пока другая пойдёт в дом. Там фрейлина убедит Дораю незаметно покинуть жилище, а ведь иначе нельзя, стражники не пустят, а коту сейчас помощь нужна: «Спеши, спеш, Дорая», – и, провернув это, коварная девица завершит первый этап жестокого плана – испортит перевязь, которая так неосмотрительно будет оставлена на столе. А дальше всё ещё проще. Фрейлины отправятся размеренным шагом навстречу дворцовому распо-

рядителю, спешащему к дому портного, и, проходя мимо, обронят: «Что-то все сегодня торопятся куда-то, с ума посходили что ли, вот и Дорая помчалась к воротам...». Этого хватит для того, чтобы распорядитель побледнел, заподозрив неладное, перешёл на бег, попутно шепча: «Что задумала эта дрянная девчонка?».

Расчёт фрейлин оправдался полностью, а как иначе, их коварство не знало границ, ибо поступиться они могли любыми ценностями. Вот и на светлом чувстве любви с лёгкостью сыграли. Дорая бросилась своему питомцу на помощь, а в это время дворцовый распорядитель обнаружил перевязь. И картина сложилась. Дорая случайно или преднамеренно, это уже ни для кого неважно, испортила столь значимый элемент королевского облачения и сбежала. Подтверждением тому стало и то, что девочку впоследствии поймали возле дворцовых ворот, как виделось, при попытке скрыться. Но удивительно было то, что Дорая не стала оправдываться, не стала обвинять ни в чём фрейлин, хоть было и очевидно, кто всё это организовал. Она молча слушала гневные слова, стоя с опущенной головой, беспомощно сжимая уголок своей скромной кофточки. Покорность происходящему была продиктована тем, что Дорая осудила себя: «Поделом мне, сама ведь спровоцировала, бросив королевскую перевязь. Я сама во всём виновата...», – думала девочка. А в это время зло всё теснее окружало её, сгущаясь в тёмный клубок. Ликующие фрейлины, упивающиеся произошедшим, дворцо-

вый распорядитель, ряд напыщенных высокопоставленных особ, которым не нужна была правда и справедливость, им нужен был виновный для предоставления его королю. Виновный, который на следующий день отправится на плаху и станет объектом для утоления жажды зрелища следующей разновидности зла – толпы.

Когда солнце взошло на небе в полную силу, ослепляя и обжигая своими лучами собравшихся на дворцовой площади, в темницу к Дораи вошёл Молах, так его прозвали заключенные из-за сильной худобы, напоминавшей образ посланника смерти из легенд королевства Винеду, по факту же он являлся подручным палача. «Время пришло», – промолвил Молах, едва шевеля губами. Никаких лишних эмоций, сама смерть покажется чуть более сопереживающей, чем данный персонаж, находящийся на довольствии за то, что лишен всяких чувств и способен с лёгкостью вести на закланье хоть собственную матушку. Вот Дораю проводят через двери, которые отделяют казематные помещения от последнего отзвука свободы – двора возле темницы. Вот подводят к площади, где ряд нетерпеливых зевак из толпы, не дождавшись начала кровавого представления, бросают несколько камней в Дораю, подобные развлечения перед казнью узника приняты здесь. После оглашения приговора, заковав в колодки, несчастного предоставляют толпе для издевательств. А уже лишь потом наступает черёд палача привести в исполнение приговор. По такой схеме была задумана расправа и над До-

раей. Огласили приговор, заковали в колодки, и толпа ринулась, с восторгом шипя: «Сейчас развлечёмся». Но внезапно наперерез этой человеческой массе тенью кинулось что-то с быстротой молнии, размытыми очертаниями напомилавшее кота. Извергая устрашающий рык, берущий начало от самой земли, перед толпой, расставив широко лапы, замер любимец Дораи. «Ах ты, тварь!» – выругался рядом стоявший стражник и замахнулся ногой, чтобы пинком отшвырнуть в сторону кота. Но внезапно обмер, так и держа навесу занесённую ногу, на месте животного возник столб дыма, закручивающийся в ураганную воронку, которая набирала мощь и высоту. Покачиваясь из стороны в сторону, крутящийся поток, казалось, готовился к броску, а из его глубины стали проявляться различные образы: вот змея, сжавшись, застыла перед смертельным прыжком, вот волчья пасть морщинится перед атакой, вот медведь свою могучую лапу занес для удара. Всё это сопровождалось нарастающим гулом, из которого раскатом грома вдруг раздались слова:

– Узрите плоды деяний своих, ибо я есть то, что вы породили ненавистью своей! Ненависть ослепила вам глаза, и великий дар свободной воли вы растратили во имя зла. Теперь же расплата за содеянное пришла!

Как только замолкли эти слова, ураганный поток ветра разметал колодочные оковы Дораи, бережно поднял её в воздух и понёс испуганную девочку прочь от набиравшей силу стихии. За спиной Дораи людей, как тряпичных кукол,

подбрасывало в воздух, трещали и в щепки разлетались деревянные постройки, установленные на дворцовой площади по случаю казни, дрожью исходилась земля. От столбов поднятой ветром пыли видимость стала такой, что на расстоянии вытянутой руки уже не разобрать было происходящего, и лишь по крикам людям удавалось понять о присутствии друг друга. Но вскоре возросший гул стихии перекрыл и эту последнюю возможность к человеческому сплочению, оставив каждого наедине с творящимся ужасом, несущим погибель.

Спустя некоторое время Дорая нашла в себе силы, чтобы отпрянуть от ледяного оцепенения страха, и со всей чёткостью осознала происходящее. Больше не будет залитых солнцем улочек королевства с улыбающимися и близкими её сердцу людьми. Они близкие ей все без исключения, в своём несовершенстве, верила Дорая, люди способны находить силы для свершения добрых поступков. Не ощутивший тьму внутри себя, не придёт к свету. Помочь можно только проявлением терпения, милости, сопереживания. Дорая уже и не думала о том, что люди, о которых она печалится, чуть не лишили её жизни. Девочка всем сердцем жаждала их спасения, поэтому она набралась смелости и взмолилась:

– Прошу, пожалуйста, пощади их! Дай им еще один шанс!

Но ответа не последовало.

Тогда Дорая вобрала всей грудью воздух и закричала:

– Только добро может породить добро. Добро побеждает

зло не тем, что его истребляет, а тем, что существует. Пощади и привнесёшь добро, способное преобразить этот мир!

И опять тишина.

От бессилия Дорая горько расплакалась и тихонько проговорила:

– Уничтожая их, ты уничтожаешь и меня!

И вдруг она почувствовала, что ветер нежно треплет её волосы, словно стараясь утешить. И будто бы послышался напевный мотив вместо звуков завывающей стихии. И раздались слова:

– Да освятит добро твоих очей непроглядную тьму в сердцах людей. Да будет им спасенье, покуда хоть в одном из них живет к голосу страждущего внемление...

В один миг всё прекратилось, на небе вновь показалось солнце. Люди недоумённо поднимались с земли, отряхивались, поглядывали друг на друга, боясь вслух заговорить о произошедшем, вдруг всё это наваждение, никто не хотел показаться безумцем. Но неловкое ощущение постепенно рассеялось. Жизнь вернулась в прежнее русло, оставив лишь смутные воспоминания о случившемся. К тому же обнаружилось, что Дорая исчезла, это произошло также таинственно, как и её некогда появление в королевстве. Некоторые в этом усмотрели знак и стали рассказывать о том, что Дорая воплотилась в звезду, чтобы указывать путь заплутавшим во тьме. Вскоре эту историю услышал королевский звездочёт, который искал название для обнаруженного им недав-

но небесного светила, отличавшегося особой яркостью, и в одно мгновение для него всё стало ясно: имя тому объекту отныне будет дано «Звезда Дораи».